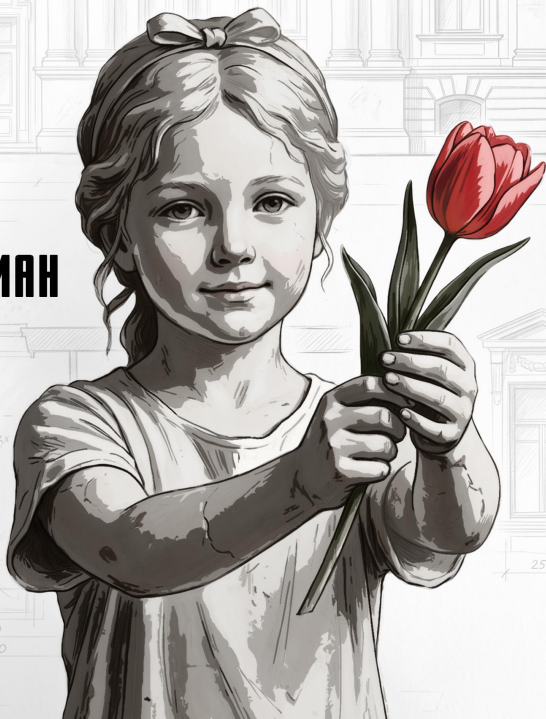

МИХАИЛ ЛАРИОНОВ

ПАМЯТНИК ЧУДАКА

РОМАН

Михаил Ларионов

Памятник чудака

<https://litres.ru/74037489>

Аннотация

Что делать, если в разгар застойных восьмидесятых на тебя сваливается фантастическое наследство из-за границы? Девять миллионов долларов — сумма, способная обеспечить роскошную жизнь на поколения вперед. Но московский журналист Дмитрий Крестовский выбирает путь, который окружающие называют безумием. Вместо вилл, круизов и дорогих авто он решает построить в Жигулевских горах, на берегу родной Волги, уникальную международную детскую больницу — живой памятник своей рано ушедшей сестре.

Это роман о столкновении высокого идеализма с бездушной советской бюрократией, о крахе семейного благополучия и обретении новой веры. На фоне заката эпохи и начала великих перемен («перестройки») герой проходит через испытания, которые проверяют на прочность его совесть, верность детской мечте и понимание того, что на самом деле ценно в человеческой жизни.

ПАМЯТНИК ЧУДАКА

Глава 1

День проходил как всегда

В сумасшествии тихом

А. Блок

В сторонке от зажжённой настольной лампы, а поближе к вентилятору, гоняющему запарной воздух, на письменном столе растянулась барственно во всю свою длину пушистая кошка — даже вечером, и уже не ранним, всё жарит этот несносный раскалённый май. Воздушный поток не освежал, только теребил ей шёрстку, но было ясно, что её это место, а хозяину, тоже изнемогающему в неподвижности, она только позволяла, потому что не мешал, пристроиться под боком с какими-то бумагами. Кошке, конечно, было неизвестно, что помимо жары его терзали муки творчества, но сам он, мучимый тем и другим, понимал, что хватит уже! Вечер целый сидеть и едва выжать несколько фраз — не свинство ли!

Дмитрий Андреевич Крестовский резко отбросил авторучку, отчего кошка вскинула голову — что такое? — и, облокотясь на край стола, потёр ладонями отяжелевшее и горячее лицо.

Ещё сонливость от этой жары... Да и бывает — не идёт работа, полный растрёп мыслей. Тут только одно — остановиться.

И Ларка на какой-то там вечеринке. Пустота одна, поди,

ну да несправедливо же было бы ущемлять жену и в этом, тем более, что сам-то вечерами больше спину ей показываешь, работая допоздна, да ещё стрекоча на машинке. Но ведь Москва полунощная...

Почему-то вспомнился Крестовскому глупый спор сегодня в редакции: кем «всё-таки» был Константин Симонов — писателем-«призывником» или журналистом с амбициями писательства. А как же «Жди меня» знаменитое? Еще и стихи писал человек, забыли?.. А этот чего, нате вам, Лисин сюда же взмаячил, бойкая писучка из элитарствующих «любомудров», которому, как он игриво обронил, «выпали кости» лететь в Женеву (а — какая *рука* бросала?) — и весь чай испортил отделу. Чай... тут что-то клином... Аа-а, масла не купил! Ларка наказывала. Ей, конечно, откуда знать, какой морок редакционного дня встаёт между их утренней внаживь перемолвкой и его дорогой вечером домой. Так что готовься, будет высказываться. А! в конце концов, ну забыл, ну что теперь, не напёхтаешь ведь... ладно.

Крестовский встал и в ломотном потяге огляделся. В свои сорок с лишком он так и не оплыл жирком «солидности», сохранил гибкость юноши. Росл, собой недурён — тип молодого разночинца чеховской складки, с ухоженной чёрной бородкой, с тлеющей мечтательностью в глазах тёмно-серых — почти не ведал он ещё, что такое устать. А вся эта мелочь каждодневно — он выкидывал её прочь из головы решительно, когда намеревался работать, самодисциплина обычно не

сбоила. Что же такое сегодня?

Командировка! — вот в чём дело. Вчера только вернулся он и всё ещё свежо было в нём, и не торопился опять в эту привычную жизнь, — было в этой поездке нечто большее, чем то, что составляло цель её и о чём сейчас не шло писать...

Дмитрий Андреевич набил трубку своим любимым «Золотым Руном» и стал раскуривать, ловя первый, самый вкусный аромат и вглядываясь в ещё размытую синь за окном.

Да, опять это... Который год вот в это самое примерно время, время перегорания весны в лето, томительно и беспокойно охватывала его жажда до всего исконно русского — в природе ли, в искусстве, в жизни сельской (что осталось ещё в ней русского), так манившей его, — и набраживало это в нём из детства, через кровину ранних впечатлений. Алчущим сердцем Дмитрий оглядывался на этот зов, отдаваясь воспоминаниям, каким-то грёзам, перебирал иной раз старые фотографии, видовые открытки, тоже давнишние... А тут командировка — заштатное местечко в лесах Валдайской возвышенности, всё ещё дремучих, оказывается, неоглядных; тихий уют русских селений, буйная зелень завесенья, облака в небе — облака, которые так не замечаются в городе, будто стоячие в надмирной синеве, какой в городе и не увидишь.

Вот и окликнулось в душе назревшее. Нет, никакая работа уже сегодня... заказано. Собрал он свои бумаги и заметнул

в ящик стола, опять нарушив кошачий покой — голову подняла, правда, вяло: ну чего там ещё! — потянулась, и снова откинулась в расслабленную дрему.

«Хоть позвонила бы — встречать, не встречать», — вернулась мысль к Ларисе. Вот ведь тоже: жить бок-о-бок и так близоруко! Ни раньше ни сном ни духом, ни теперь ей и невдомёк об этих его настроениях. Да и что... без понимания-то! «Я женщина современная!» — козырем так отмахнёт. Гордо — и это уж до кончиков ногтей. Ей ещё побуждаться душевно прошлым... тем более — другого человека!

Телефонный звонок дёрнул его, словно током, вспоров тишину. «Ага, легка на помине», — взглянул на часы: начало двенадцатого.

— Ну, наконец-то, объявился! — мужской однако голос с некоторым укором.

— Колька!

— А, узнал! Ну, спасибо, значит, не зазнался ещё.

— Привет, Николаус! С чего это мне зазнаваться, ты чё?.. такая же пчёлка. Работа да суета. Вот в командировке был.

— Знаю, Лариса говорила. Я ж тут звонил. Опять, думаю, пропал чего-то. Но двадцатого уж давайте к нам. Будем ждать.

— Двадцатого... А-а что это?.. Подожди, ах да! Ну, это уж придём, конечно. Знаешь, Коля, в каких местах я побывал, точно в детство окунулся! — с блаженством в голосе проговорил Крестовский.

— Так-так. Ты, я вижу, совсем не в курсе ещё.

— А что такое? Ты как-то сегодня...

— Постой! Вот раз уж о детстве заговорил, помнишь, как мы играли в «вопросики»? Каждый другому позаковыристей старался...

— Да конечно, помню! И как хохотали друг над другом!

— Ну! А помнишь, я закатил вам вопрос: «что бы ты сделал, если бы вдруг разбогател»?

— Хм! Ты же как Шерлок Холмс тогда смотрел на нас.

— Крестовский оживился, весело озирая комнату. — Я даже ответы помню. Пашка тогда сказал, что купил бы машину себе.

— Да, он всегда был пижон тот ещё.

— Ну а Севка? «Махнул бы в загранку!» Помнишь? Вообще эксцентричная натура был. Как он теперь, интересно?

— Да уж самой эксцентричной натурой был у нас ты! «Я бы не работал, а стал бы свободным художником!» Чьи слова?

— А ты-то, ты-то! — «удрал бы из дому и скитался по всему свету, где хотел бы!» Так, кажись?

Оба захохотали.

— Память свидетельствует! — провозгласил Дмитрий. — Что ж, я хотел быть свободным художником, а ты — свободным человеком! И то, и другое, увы, по нашим временам — орешек не по зубам. Ха, даже в рифму!

— Значит, теперь бы ты ответил по-другому? — Николай

словно поймал его.

— А ты предполагал во мне всё ещё наивность подростка? Такие игры, дружище, уже... аля-улю. Всё хорошо в своё время.

— И ничего такого уже допустить не можешь?

— Почему же, могу, например, допустить, что ты выиграл по спортлото машину! С кем-то случается же.

— Ага! А если не со мной, а с тобой? — всё допытывался чего-то Николай.

— Со мно-ой?! — Крестовский мекфистофельски рассмеялся в трубку. — Ну знаешь, я с государством в азартные игры не играю. Так что со мной — исключено. Так чего я должен быть в курсе-то? Зубы мне заговариваешь.

— Газеты читаешь, журналист?

— Что там, война с Америкой началась? Вперёдсмотрящий наш ушёл, наконец, в отставку?

— Не-ет, там про тебя — про то, как ты ловко заграничных родственников скрывал.

— Ничего не понимаю! — осёкшись, сразу порезчал Крестовский. — Какие родственники?

Ты... что ты всё экивоками!

— Шучу-шучу! Просто тут на глаза попало... в «Известиях», проверь-ка на всякий пожарный. Найди Инюрколлегию, там. Смотрю, твоя фамилия! По делам наследства... мало ли! Да вот слушай: «Разыскиваются родственники Крестовского Анатолия Андреевича, родившегося в Самаре и

умершего в Канаде». Это за 5 мая номер.

— Анатолий Андреевич?.. — Крестовский замолк сообщить: «Что-то, кажется, дед...»

— Звякни им туда, кто знает... Эй!

«...помнится, о-о брате? Ба-а, подожди-ка... его брат?!»

— Батюшки светы! Николаус! — испуганно отозвался Дмитрий. — Да это вроде... чёрт, когда-то, мальцом, слышал я: дед произносил это имя. Да-да, был у него брат... и Анатолий Андреевич, точно... Как будто эмигрировал в первые годы после революции. Ну а потом... и заикнуться ведь страшно было — себя под удар. Времечко-то!

— Так значит — ты?

— Почти уверен! Не знаю...

Он услышал поднявшийся на лестничную площадку лифт, раздвижение дверей и цоканье каблучков ритмично-чёткое. Лариса!

— Коля, всё! Извини, кажется, Ларка идёт. Не хочу при ней! Спасибо, что позвонил, я узнаю! После поговорим. Пока.

В замок точным попаданием врезается ключ и дверь слишком распахивается, чтобы войти изящной стройной женщине в плаще нараспашку.

— Привет! Ты чего в телефон весь такой вцеплённый? Звонить кому собрался?

— Да нет, с Балашуевым сейчас говорили.

— А... — как-то насмешливо протянула она, будто имея

что скрыть.

Положив трубку, он принял у неё плащ и тупо в растерянности продолжал смотреть на её вялые движения.

— Он тут и мне звонил. — Голос Ларисы был утомлённо небрежен. — Мы приглашены, ну ты уж, наверно, в курсе.

«Ага, ну ты-то точно *не в курсе!*»

— *Что держишь-то, повесь!*

«Да, точно!» — удовлетворённо убедился он, вешая плащ.

Лариса вдела ноги в расшитые шлёпанцы, встряхнула недлинными, в стрижке карэ, чёрными с буроватым отливом волосами и с любопытством подалась лицом к своему отражению в трюмо.

— Посидели... так, ничего особенного, — словно в мыслях себе проговорила. — Пили слабо, ели мало — много трепались... Ольга всё выуживает из своего шефа командировку в Чехословакию.

«Так, так, всё это прекрасно... Что же за наследство-то?.. В Канаде!.. Вот куда в командировку-то бы!»

— Ты-то как тут? Какой-то обалделый. Записался, мальчик?

— Да нет... нормально. Про масло вот забыл, ну напрочь!

— Не купил? Ну, Димка! — не очень и серьёзно посетовала она. — Значит, без масла будем.

— Завтра куплю.

Он виновато обнял её сзади, поцеловал в шею. От неё ещё улавливался запах духов, а волосы отдавали цветочным ка-

ким-то шампунем.

— Ларок!

— Пойду душ приму, — растерянной пойманной девочкой отозвалась она, и вот такое обезоруженно милое, редкое — и зачем ещё подавляемое ею? — он хотел в ней всегда, искал и ждал, как струйки чистой.

Пока Лариса была в ванной, Крестовский попытался собраться с мыслями, будто на неузнанный ещё, но взволновавший оклик. В нём уже нарождалось ожидание чего-то потаённого, что хранит в себе давным-давно ушедшее и не с ним вовсе бывшее, лишь ниточкой необрывной касавшееся и его — а теперь вот его только как будто и касающееся.

Он сел в кресло и откинул на спинку голову, закрыв глаза. Анатолий Андреевич... Да, изредка он слышал это имя — ещё от деда, Леонида Андреевича, когда был совсем подростком; позже, от отца — уже нет. В общем, если все крохи собрать — очень смутно: эмигрировал во Францию вскоре после революции, тянул и брата за собой, но тот, уже семьёй обременённый, не поднялся... Вообще, очень решительный, кажется, был человек, и строптивый. Письма были от него очень редко, последнее дед получил перед самой войной: в нём, кажется, сообщал Анатолий Андреевич о своём переезде в Америку. Тем их связь и оборвалась — навсегда, получилось... Дед был уверен в своём брате, бывало, говаривал вроде того, что кто-кто, а Анатолий не пропадёт, хоть и в Америке, предприимчивая башка! Ну, писем больше не бы-

ло — так и они не писали почти. К тому же, сколько мест уже переменили здесь! Вот и концы в воду... Вот и всё, что в памяти раскопалось, остальное — уже простор для фантазии. Но похоже, никого больше не осталось, кроме него, из тех Крестовских, кто мог иметь отношение к Анатолию Андреевичу, «родившемуся в Самаре».

Ларисе он решил пока ничего не говорить, прежде разузнать самому. И завтра же!

Вот и она — в длинном розовом халате, освежённая, ма-няще красивая — вошла, и сразу в комнате оваялось слегка парным и пряным.

— Ой, где это я! Что сто пудов сбросила, как хорошо.

— «Когда вы стоите передо мной, такая...» такая... как там дальше? Ну-ка? — Дмитрий испытующе и радостно улыбался.

— Не зырься так, что-то такое припоминаю: это о девочке поклоннице, и дальше там идут комплименты какие-то.

— Комплименты... То — слова-цветы! Которые дарят. Но следующие я бы тебе не преподнёс: дальше слова-полынь.

— Ничего горького не люблю, — как кредо произнесла. — А кто любит? — какой-нибудь извращенец.

— Но какая судьба ждала ту девочку! — Он помотал головой. — Из стихотворения кажется — она предчувствовала.

— А кто она? Хотя какая разница. Чувствительная натура.

«Ну, это потом... Но неужели всё-таки! — Опять своя

мысль забирала Дмитрия. — Что же за судьба такая, вот тоже! Русский предприниматель-эмигрант! Прямо авантюрно-приключенческий роман...»

— Сегодня был там один из Ольгинова круга... за экстрасенса себя выдаёт. Будто слышит подземный гул, способность такая у него.

— И что это означает? — с рассеянной насмешливостью спросил Крестовский.

— Идёт накопление энергии, как он объяснил. И когда достигнет критической массы, надо ожидать каких-то перемен, чуть не глобальных.

— Ага, и ты веришь в это?

— А чёрт его знает, может, шарлатан...

«Перемены и без его гулов, похоже, грядут... Всё-таки — ничто не бесследно, — к своему склоняли мысли. — «Всё уходящее — уходит в будущее». Кто-то ведь сказал — совсем недавно на глаза попалось! Чьё?.. нет, не вспомню, потом... Так что же, наследовать, стало быть, — некому? Или?..»

Глава 2

И незримое благословенье

Ветерком шелестит...

А. Ахматова

Бывают в нашей жизни дни, до чрезвычайности редко, но бывают — *присутствием духа* озаменованные, духа преображённости, если угодно, — когда всё, что делается вокруг нас и с нами — не делается, а *творится*. Все вроде бы делают то, что им положено делать, и Расскажи им об этом своём состоянии, поди рассмеются: всем само собой понятно, что действует в этом мире причинно-следственная связь, и ею всё обусловлено, в том числе и не постигнутое ещё. Но вам — вам всё чудно и зажжено. Вы — внутренне летаете! Как летают во сне растущие души. И видится всё так же — из своего летания.

В таком состоянии был Дмитрий Крестовский весь следующий день, словно заряженный вчерашней удивительной вестью. Правда, оттеняла маленькая досада: он чувствовал отстранённость от впечатлений командировки, отдаление уже от них этим «делом о наследстве» — оно возглавляло в его мыслях. Но успокаивал себя тем, что работа над очерком всё равно ведь призовет его ко дням поездки.

Придя в редакцию, нашёл в подшивке тот, за 5 мая, номер «Известий» и своими глазами увидел и убедился — точно,

есть это объявление. Поехал в Иньюколлегию, всё ещё не свободный от некоторого сомнения: хоть вроде и сходится всё, а... мало ли, кто знает, вдруг и такое окажется совпадение! И уже волновало.

Но — нет, всё верно: объявление относилось к нему, именно к нему! Он, Крестовский Дмитрий Андреевич, — в самом деле единственный носитель фамилии завещателя, состоявший с оным в родстве, и является законным и полноправным владельцем наследства в виде денежной суммы, исчисляемой девятью миллионами американских долларов. Услышав это, он как-то отупело заводил глазами, невольно отрицательно помотал головой — не усваивалась в нём эдакая новость и вообще что это такое. Только попытался едва связно выведать хоть какие-то подробности о завещателе, но — «сведений такого рода с наследством не поступило». Жизнь человека, вдруг сказочно обогатившего Дмитрия, частная и деловая жизнь, — для Дмитрия осталась неизвестной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.